

Научно-исследовательская статья

УДК 304.2

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-157-32-44

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Игорь Николаевич Федулов

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

fedulovin@mgpu.ru; infedoulov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1339-8594>

Аннотация. В статье анализируются вопросы обеспечения прав и свобод коренных малочисленных народов Севера (КМНС), которые выходят за рамки классического правового дискурса и обусловлены своеобразием культурного наследия северных территорий. Опираясь на концепцию культурной травмы, разработанную П. Штомпкой, автор раскрывает причины повышенной уязвимости культурной среды КМНС в современной действительности, обусловленной дисбалансом в темпах социокультурной трансформации общества в целом и традиционных сообществ в частности. В подобном контексте задача сохранения культурной самобытности КМНС, а также обеспечение их права на воспроизводство и передачу родного языка, традиций, обычаев и культурных практик, приобретает выраженную социально-значимую окраску. Теоретическое осмысление причин возникновения культурной травмы в сочетании с данными эмпирических исследований подтверждает насущную потребность в принятии специальных мер по охране культуры северных народов, изложенных в публикации: их отсутствие чревато необратимым разрушением культурной идентичности КМНС и безвозвратной утратой важного фрагмента культурного многообразия Российской Федерации.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Север, травма, правозащита, культура, общество

Для цитирования: Федулов И. Н. Социокультурные основания защиты прав коренных малочисленных народов Севера // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2026. № 1 (57). С. 32–44. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-157-32-44>

Scientific research article

UDC 304.2

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-157-32-44

SOCIOCULTURAL FOUNDATIONS FOR PROTECTING THE RIGHTS OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH

Igor N. Fedulov

Moscow City University,

Moscow, Russia,

fedulovin@mgpu.ru; infedoulov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1339-8594>

Abstract. This article examines aspects of protecting the rights and freedoms of indigenous peoples of the North (IPN), extending beyond traditional legal issues and related to the unique cultural content of northern regions. From the perspective of P. Sztompka's concept of "cultural trauma", the degree of vulnerability of the culture of the indigenous peoples of the North in modern conditions is shown due to the uneven pace of socio-cultural changes in society. In these conditions, the problem of preserving the cultural identity of the indigenous peoples of the North and their right to access their native culture, language, traditions and customs takes on a social dimension. A conceptual analysis of the pre-conditions for cultural trauma, as well as the results of field research, convincingly support the need to protect the culture of northern peoples by implementing the measures described in the article. Otherwise, the northern peoples face an irreversible collapse of their cultural identity, and our country faces the irreversible loss of part of its cultural diversity.

Keywords: indigenous peoples, North, trauma, human rights, culture, society

For citation: Fedulov, I. N. (2026). Sociocultural foundations for protecting the rights of indigenous peoples of the North. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, (1 (57)), 32–44. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-157-32-44>

Введение

Российский Север играет стратегически важную роль как в социально-экономических преобразованиях, так и в обеспечении национальной безопасности РФ: его богатейшие природные ресурсы на протяжении длительного времени служат ключевым фактором экономического роста и формирования экспортного потенциала государства. На протяжении нескольких столетий в этом регионе сформировалась своеобразная этнокультурная среда, объединяющая малочисленные коренные народы, обладающие многовековым опытом адаптации к суровым природным условиям, и пришлых жителей, представляющих ценности и уклад индустриальной цивилизации. В последние десятилетия в арктических и субарктических территориях обозначился многоаспектный кризис, охватывающий экономическую, политическую, правовую,

социокультурную и экологическую сферы. Разрешение этих взаимосвязанных проблем выступает необходимым условием обеспечения устойчивого развития не только самого Севера, но и Российской Федерации в целом. Наряду с аспектами политической, экономической и экологической безопасности, включающими в себя проблемы сохранения окружающей среды в районах проживания коренных малочисленных народов Севера (КМНС) по возможности в первозданном виде, существенную роль играет аспект гуманитарный, связанный с защитой прав коренного населения [Avdeev et al., 2020; Avdeev et al., 2020; Квач и др., 2019].

Проблема исследования

Источником гражданских прав коренных малочисленных народов Севера, как и остальных граждан Российской Федерации, являются, как известно, Конституция РФ (ст. 62 и 69)¹, федеральные законы², законы субъектов РФ³, иные нормативно-правовые акты⁴, а также международные соглашения,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.11.2025).

² Федеральный закон от 30.14.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (дата обращения: 18.11.2025); Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27908/ (дата обращения: 18.11.2025); Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31497/ (дата обращения: 18.11.2025).

³ Например, Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 04.12.2001 № 85-оз «О видах традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» (с изменениями от 13.12.2018) // Дума Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: официальный сайт. URL: <https://www.dumahmao.ru/decisions/detail.php?ID=7087> (дата обращения: 14.11.2025). Подобные законы приняты во всех субъектах РФ, в которых проживают народы, отнесенные законодательством к категории КМНС.

⁴ Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ в 2013 году) // Правительство России: официальный сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf> (дата обращения: 14.11.2025); Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 «О едином перечне коренных малочисленных народов РФ» // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26631/ (дата обращения: 18.11.2025); Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84814/d9c2efb4aea01de7f443b9e5f0c655df45e48b5f/ (дата обращения: 22.11.2025); Распоряжение Правительства РФ

ратифицированные Российской Федерацией: Устав ООН (ст. 1), Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 27), Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств 1995 г. и др. [Юдин, 2012]. Однако в отличие от более крупных этносов Российской Федерации коренные малочисленные народы Севера (КМНС) занимают значительно более уязвимую позицию. Основным фактором такой уязвимости выступает их малая численность, которая, кроме того, еще и демонстрирует многолетнюю устойчивую тенденцию к дальнейшему снижению. Не менее хрупким оказывается и культурное наследие КМНС: их традиционная культура подвергается двойному прессу — как со стороны глобализированной массовой культуры, так и со стороны доминирующих этнокультурных традиций более многочисленных народов страны, прежде всего русского этноса.

Основу самоидентификации КМНС составляет имманентно присущая им система ценностей, унаследованная от предков. Обладание ею — верный признак зрелости социума. Отсутствие же таковой означает и отсутствие структуры социума, что является показателем либо незавершенных процессов становления, либо уже начавшейся деградациии структурной целостности. Создание же условий для воспитания всесторонне развитой личности — одна из важнейших и первостепенных задач государства — в таких обстоятельствах представляется чрезвычайно труднореализуемой, поскольку личность в системе общественных отношений рассматривается во взаимодействии природы и социума. Недостаточно представительства КМНС в органах государственной власти или общественных организациях, необходимо наличие культурного представительства в повседневной жизни многонационального общества. Система прав человека остается неполной, если в нее не включено право личности на сохранение и закрепление собственной этнокультурной идентичности. В отсутствие такой нормы человек фактически лишен правовой защиты своего этнокультурного облика — возможности идентифицировать себя как представителя конкретного этноса (русского, хантыйского, мансийского и др.). Таким образом, гражданин, чье право на национальную идентичность формально закреплено в законодательстве, на практике оказывается уязвимым перед угрозой ее утраты. Данная угроза обусловлена объективными социальными процессами: повседневной практикой этнического обезличивания, а также национально-нигилистическими установками, характерными для ряда многонациональных государств, которые в угоду упрощенному пониманию территориальной целостности принижают принцип самоопределения и самоидентификации народов на подконтрольных им территориях.

от 25.08.2016 № 1792-р (ред. от 14.03.2023) «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016–2025 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203902/257c46468d01202db4ba31b2af9a26d20129e47b/ (дата обращения: 22.11.2025).

Методологический аппарат исследования

Вопрос защиты прав малых народов, помимо традиционного, правового статуса, приобретает и социокультурное измерение, если речь идет о праве народа на сохранение собственной уникальной культуры. Для понимания степени уязвимости культуры КМНС в настоящее время и угрозы их культурной идентичности необходимо обратиться к концепции культурной травмы, развитой польским социологом П. Штомпкой [Штомпка, 2001]. Согласно Штомпке, культурная травма — понятие прежде всего социологическое. Она связана с возникновением в обществе состояния напряжения, вызванного социальными изменениями, переживаемыми социальными группами или целым обществом. Разрешаться напряжение может различным образом. Среди возможных исходов Штомпка особо указывает на нарушения коллективной идентичности. Причинами травм являются травматические ситуации, однако какое-либо одно конкретное историческое событие редко бывает единственной причиной их возникновения. Обычно к травме приводит цепь событий, связанных общими причинами. Причем необязательно, чтобы некоторое событие действительно являлось травмирующим для социальной группы, — достаточно, чтобы в обществе укоренилось представление о нем как о травмирующем. Рассматривая области воздействия травмирующих событий на социум, Штомпка выделяет три типа травм: демографические, социальные и культурные. Эти типы травм тесно взаимосвязаны друг с другом и зачастую вызываются одними и теми же причинами, однако различаются по проявлениям. Нас будут интересовать прежде всего культурные травмы.

Что же способно вызвать культурную травму? Штомпка полагает, что существует не менее четырех различных типов травматических ситуаций, воздействующих на социум и впоследствии приводящих к культурной травме. Первый тип травмирующей ситуации — когда некоторое событие (либо воспоминание о подобном событии, имевшем место в прошлом) задевает самые основы культуры, воспринимаясь как абсолютно не соответствующее ценностям социума, принципам идентичности, коллективной гордости. Многие значимые события мировой истории могут являться предметом гордости для одних, но в то же время травмирующими для других социальных групп. Поражение в войне либо в народном восстании, распад империи, негативная память о событиях прошлого, в которых принимала деятельное участие рассматриваемая социальная группа — воспоминания об этих и подобных событиях способны запустить процесс образования культурной травмы. Второй тип травмирующей ситуации — экспансия иной, чужеродной культуры либо культурный шок, связанный с иммиграцией. Иммигрант редко бывает с самого начала хорошо приспособленным к новой культурной среде. Точно так же агрессивная культурная экспансия способна вызывать фрустрацию социальных групп, которые вдруг также оказываются в окружении иной культуры. Если же вдобавок невозможно избежать частых контактов с носителями чужеродной культуры, то это только усугубляет развитие культурной травмы. Как отмечает Штомпка, такой травме особенно подвержены мультикультурные общества, в которых носители

несовместимых культур активно взаимодействуют между собой в повседневном, рутинном общении [Штомпка, 2001, с. 12]. Третий тип травмирующей ситуации связан с изменениями образа жизни носителей культуры под воздействием политических преобразований, экономических реформ, изменений технологического уклада и появления новых технологий. В этом случае возникает конфликт между старым и новым, поскольку медленно меняющаяся, обладающая огромной инерцией традиционная культура практически никогда не успевает за политико-экономическими и техническими новациями, происходящими в последние десятилетия все чаще. До момента, когда эти новации приобретут характер «новой нормальности» в социуме, станут органической частью образа жизни, традиционные нормы теряют качество само собой разумеющихся, порождая социальный конфликт, приводящий порой к весьма печальным последствиям. В качестве иллюстрации достаточно вспомнить реакцию русских крестьян на электроэнергию, делавшую первые шаги в России в 1870-е гг. Наконец, четвертый тип культурной травмы возникает непосредственно в теле самой культуры, а не на ее периферии, с действиями и событиями, происходящими в социуме. Данный тип интересен тем, что имеет как минимум четыре истока. Во-первых, предпосылки травмы возникают вследствие неодинаковости темпов развития различных сегментов культуры, результатом чего является культурное отставание определенных сегментов. Насажение в постперестроечное время рыночной идеологии повлекло ускоренное развитие соответствующих экономических институтов (коммерческие банки, биржи, акционерные общества и т. п.), за которым порой не успевали правовые и политические институты. Возникший вследствие этой несинхронности правовой вакуум стал мощным травматическим фактором для постсоветского общества. Во-вторых, к травме могут приводить глобальные культурные сдвиги, нарушающие равновесие внутри культуры, запускающие процессы переоценки ценностей и смены глобальных культурных ориентиров. Ярким примером такого сдвига является Реформация в Европе в эпоху Возрождения. В-третьих, обнародование ранее неизвестных фактов также может стать причиной травмы, если оно способно вызвать резонанс в обществе. В качестве иллюстрации подобного механизма Штомпка приводит в пример доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 году. В-четвертых, травму может вызвать и переосмысление прошлого, если оно касается значимых для общества событий. Ревизионистское по своему характеру переосмысление итогов Октябрьской революции, начатое в конце 1980-х – начале 1990-х гг., и результаты его воздействия на позднесоветское и постсоветское общество — пример такого типа культурной травмы.

Обсуждение и результаты

Принимая во внимание особенности исторической судьбы КМНС на территории нашей страны, черты их повседневной жизни и быта, нетрудно увидеть

предпосылки культурной травмы сразу нескольких типов. Исследователи отмечают, что народы Севера создали цивилизацию, радикально отличную от техногенной, западной цивилизации (к которой, несмотря на ряд существенных особенностей, в большинстве аспектов принадлежит и Россия). Основа локальной цивилизации северных народов — мифологическая картина мира, ее важнейшая составляющая — устойчивая мифопоэтическая традиция, направленная на сохранение системы «человек – мир» [Санжеева, 2023; Поспелова, 2003; Соколова, Степанов, 2007; Жожиков, 2017]. До настоящего времени базу повседневного бытия коренных малочисленных народов Севера продолжают составлять традиционные отрасли хозяйствования: оленеводство, рыболовство, охота, заготовка дикорастущих растений и другие виды природопользования. Сохранение этого жизненного уклада обеспечивает устойчивую основу для трансляции традиционной культуры и воспроизводства этнических маркеров, закрепляющихся в ценностных ориентациях и менталитете личности. Несмотря на то что в быту жителей стойбищ и национальных поселков довольно широко используются достижения современной цивилизации, неизменность жизненного уклада препятствует трансформации ментальных установок людей. В результате мировоззрение коренных малочисленных народов Севера практически не изменилось за последние десятилетия и является своеобразным реликтом весьма далеких от нас эпох. В основе его лежит образ гармоничного сосуществования человека и хрупкой северной природы, своеобразного равновесия между дикими и освоенными человеком ландшафтами. Для КМНС, несмотря на то что многие из них являются прихожанами Русской православной церкви, до сих пор значимыми являются традиционные верования.

Вынужденно сосуществуя с динамичной культурой, порожденной техногенной цивилизацией, гораздо менее динамичная традиционная культура КМНС подвергается сильному давлению и экспансии, что неминуемо создает предпосылки культурной травмы и ведет к фрустрации носителей традиционной культуры. Еще один значимый фактор культурной травмы — эксплуатация природных угодий КМНС ресурсодобывающими компаниями, зачастую сильно затрудняющая или вообще делающая невозможным ведение традиционной хозяйственной деятельности — основы идентичности малых народов. Поэтому переживание культурной травмы и адаптация к ней в условиях повседневности в качестве ключевого эффекта влекут за собой кризис идентичности КМНС, приводящий к распаду прежней, традиционной идентичности, ее переосмыслению и «пересборке» [Александр, 2012]. Подобная пересборка ведет к неминуемой утрате части культурного многообразия нашей страны. Разрешение кризиса идентичности КМНС принимает подчас весьма неожиданные формы, а очевидные признаки ее медленного, но неуклонного распада, по нашему мнению, непосредственно подтверждаются полевыми исследованиями.

В 2018 г. автор настоящей статьи вместе со своими коллегами проводил исследование процессов повседневной этнокультурной адаптации коренного

и пришлого населения Югры [Tkachev et al., 2018]. Одним из итогов данного исследования стал вывод о том, что результаты этой адаптации вполне могут быть интерпретированы в духе культурной травмы Штомпки, на что исследователи указывали и ранее [Емельянова, 2008; Пименова, 2016; Гусельцева, 2017], не поднимая, однако, вопроса о трансформации культурной идентичности в процессе переживания травмы и тех конкретных формах, в которых данная трансформация происходит. Например, при анализе анкет весьма неожиданно выяснилось, что часть респондентов из числа этнических хантов и манси называет себя русскими. Уровень фрустрированности при межэтнических контактах у коренного населения стойбищ и национальных поселков, сравнительно мало контактирующих с пришлым населением, оказался почти вдвое выше, чем у коренного населения, проживающего в городах и имеющего значительный опыт межэтнических контактов. Очевидно, что перед коренным населением северных регионов проблема адаптации стоит более остро, нежели перед пришлым населением, поскольку коренные жители вынуждены приспосабливаться не только к общим для всех кардинальным политическим, социально-экономическим и культурным изменениям, но и к новой языковой ситуации, складывающейся в регионе с появлением носителей иной культуры, а также к переменам в отношении к ним со стороны пришлого населения. КМНС в местах традиционного проживания крайне заинтересованы в успешной адаптации, поскольку альтернативой является конфликт и культурная изоляция. Однако значительная фрустрация снижает способность коренного населения к адаптации, являясь препятствием к межэтническим контактам, и побуждает переосмысливать свою культурную идентичность и искать иные формы ее выражения. Надежным индикатором этого весьма тревожного процесса является в настоящее время неуклонное снижение количества КМНС, владеющих родными языками [Онина, 2010]. В последнее время ситуация культурной травмы усугубляется значительным ростом темпов миграции в места традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера носителей еще более далеких для них культур, чем русская, — мигрантов из Средней Азии и Закавказья, количество которых сильно увеличилось за последние годы. Связанная с этим обстоятельством значительная фрустрация коренных жителей влечет за собой в перспективе изоляцию от пришлого населения, что никак не может способствовать ни популяризации традиционной культуры КМНС среди пришлого населения, ни ее сохранению, особенно учитывая численность коренных малочисленных народов⁵. А ведь именно право на доступ к своей родной культуре, языку, традициям и обычаям является одним из базовых для человека и закреплено в Конституции РФ, а также в Декларации ООН о правах коренных

⁵ Например, на начало 2020-х гг. численность хантов и манси в РФ составляла немногим более 40 тысяч человек. Подавляющее большинство их зарегистрировано в местах традиционного проживания и ведения хозяйственной деятельности. Долговременные демографические тенденции в РФ таковы, что численность хантов и манси, как и многих других КМНС, только сокращается.

народов (ст. 13)⁶. Также проблеме защиты прав КМНС в Югре посвящен и Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре «Гарантии прав коренных малочисленных народов Севера, их реализация и защита в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре», подготовленный в 2019 г.⁷ Очевидно, что самими по себе научными исследованиями и аналитическими отчетами проблему защиты прав коренных малочисленных народов решить невозможно. Уполномоченный по правам человека в ХМАО — Югре проводит огромную работу по защите в том числе прав КМНС, но одних его усилий явно недостаточно. Необходима слаженная системная работа как самого государства в лице органов государственной власти, так и гражданского общества (общественных организаций, организаций по оказанию правовой помощи населению, адвокатуры, правозащитников и т. п.) по сбережению традиционной культуры КМНС и защиты прав самих ее носителей.

Очевидно, что понимание механизмов культурной травмы способствует поиску наиболее эффективных путей защиты прав коренного населения. Одним из путей решения проблемы сохранения культурного многообразия регионов Севера мог бы стать вопрос о собственности на угодья и природные ресурсы. Собственность на ресурсы и средства производства в современном капиталистическом обществе является фундаментальным фактором экономического и социального благополучия. Поэтому актуальной и действенной мерой поддержки КМНС могли бы выступить конкретизация и закрепление в законодательных актах родовой формы собственности на природные угодья.

Также важную роль в формировании механизма защиты прав коренного населения играет возможность ведения традиционной хозяйственной деятельности и поддержка народных промыслов. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, сложность получения традиционной продукции КМНС способна выступить в качестве фактора, обостряющего социальные проблемы [Данилова, Абдулвалиев, 2018]. Трудности в реализации продукта традиционной хозяйственной деятельности не способствуют повышению качества жизни КМНС, которое долгие годы остается ниже среднего показателя по стране и которое целевое субсидирование со стороны государства само по себе повысить не способно. Ограниченные возможности трудоустройства на постоянной основе с достойным уровнем оплаты в районах традиционного

⁶ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г. // Организация Объединенных наций: официальный сайт. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-61-295> (дата обращения: 20.11.2025).

⁷ Гарантии прав коренных малочисленных народов Севера, их реализация и защита в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре: специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2019. 344 с.

расселения КМНС, усугубляемые их слабой транспортной связанностью, в совокупности с активизацией промышленной эксплуатации исконных территорий, сопровождающейся изъятием оленьих пастбищ, охотничьих угодий и водных акваторий, формируют нарастающее социальное и экономическое напряжение в среде коренных народов.

Другим аспектом сохранения наследия КМНС является политика вовлечения их в многогранную повседневную жизнь социума, создание настоящих альтернатив той культурной изоляции, которую часто можно наблюдать среди представителей автохтонных этносов в условиях Севера. Изоляции способствуют как объективные (труднотупность мест традиционного проживания, сложные погодные условия), так и субъективные, мировоззренческие факторы. Последние представляют особый интерес в гуманитарном отношении. Гуманитарное измерение рассматриваемой проблемы предполагает в первую очередь трансформацию ценностных ориентиров, коррекцию мировоззренческих установок и переосмысление ментальных оснований сознания индивида. Ключевая задача заключается в становлении новой экологической культуры как неотъемлемого компонента общечеловеческой культуры.

Заключение

Опыт России и зарубежных стран свидетельствует о низкой эффективности запретительно-ограничительных моделей природоохранной деятельности: подобный подход порождает конфронтацию между государственными структурами и местным населением. В ответ на жесткие ограничения возникают разнообразные формы их обхода — от нелегальной добычи биоресурсов до коррупционных практик. Устойчивое развитие общества и сохранение природной среды возможны лишь при условии формирования высокого уровня экологической культуры у всего населения как системного фактора ответственного взаимодействия с окружающей средой.

Применительно к коренным малочисленным народам Севера данный принцип трансформируется в этнокультурный императив — фундаментальную основу их жизнедеятельности, пронизывающую все сферы существования. Этнокультурные потребности малых народов и сформировавшиеся в их среде культурные стереотипы представляют собой результат рациональной адаптации к специфике локальных экосистем; в процессе многовековой эволюции они достигли уровня гармоничной устойчивости, приобретая сегодня приоритетное значение по сравнению с иными социальными детерминантами. Превышение критического порога негативных трансформаций над адаптационным потенциалом малого социума, органично интегрированного в материнскую экосистему, неизбежно ведет к дезинтеграции его социокультурной структуры и в конечном итоге к утрате этнической самобытности.

Список источников

1. Topical issues of regulation of the legal framework for ensuring human rights and freedoms at the international level / Avdeev V. A. at al. // *Periódico do Núcleo de Estudos e Pesquisas sobre Gênero e Direito Centro de Ciências Jurídicas — Universidade Federal da Paraíba*. Ano 2020. Vol. 9. № 04. P. 256–267.
2. The mechanism of international legal support of effective management of indigenous peoples in the Northern territories / Avdeev V. A. at al. // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, [S. 1.]. 2020. June. Vol. 11. № 4. P. 1095–1101. [https://doi.org/10.14505/jarle.v11.4\(50\).03](https://doi.org/10.14505/jarle.v11.4(50).03)
3. Квач И. В., Ельмендеева Л. В., Квач С. С., Федулов И. Н. Особенности адвокатской деятельности при защите прав и свобод коренных малочисленных народов Севера // *Вопросы российского и международного права*. 2019. Т. 9. № 9-1. С. 335–343. <https://doi.org/1034670/AR.2019.89.9.014>
4. Юдин В. И. Нормативно-правовая база в отношении коренных малочисленных народов Севера: отечественный и зарубежный опыт // *Власть*. 2012. № 4. С. 69–72.
5. Штомпка П. Социальное изменение как травма // *Социологические исследования*. 2001. № 1. С. 6–16.
6. Санжеева Л. В. Современные проблемы сохранения традиций коренных малочисленных народов Арктики // *Общество. Среда. Развитие*. 2023. № 1. С. 33–37. https://doi.org/10.53115/19975996_2023_01_033-037
7. Поспелова А. И. Современный диалог цивилизаций // «Дни Берингии»: материалы Междунар. научно-практ. конф., 18–21 сентября 2003 г., Анадырь. М.: Советский спорт, 2004. С. 42.
8. Соколова З. П., Степанов В. В. Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписей населения // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 5. С. 75–95.
9. Жожиков А. В. Образование, культурная самобытность и национальная идентичность коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях кочевого образа жизни и глобализации // *Этнодиалоги*. 2017. № 3 (54). С. 58–66.
10. Александер Дж. Культурная травма и культурная идентичность // *Социологический журнал*. 2012. № 3. С. 6–40.
11. Tkachev V., Fedulov I., Moldanova T., Tkacheva T. Everyday ethnocultural adaptation of newly arrived and indigenous populations in Yugra // *SHS Web of Conferences*. 2018. № 50. P. 01184.
12. Емельянова Т. П. Культурная травма: социально-психологические аспекты // *Материалы итоговой науч. конф. ИП РАН*. 14–15 февраля 2008 г. / ред. А. Л. Журавлев, Т. И. Артемьева. М.: ИП РАН, 2008. С. 75–85.
13. Пименова Н. Н. Механизмы социокультурных изменений коренных малочисленных народов Сибири и Севера: концепция культурной травмы П. Штомпки // *Социодинамика*. 2016. № 3. С. 37–45. <https://doi.org/10.7256/2409-7144.2016.3.18210>
14. Гусельцева М. С. Культурно-психологическая травма как фактор риска в становлении гражданской идентичности // *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. 2017. № 4 (10). С. 8–23.
15. Онина С. В. К проблеме сохранения языка народа ханты // *Вестник ЧГПУ. Серия «Филология и искусствоведение»*. 2010. № 5. С. 315–327.

16. Данилова С. В., Абдулвалиев А. Ф. Инструменты социально-экономической поддержки коренных малочисленных народов Севера // Теоретическая и прикладная экономика. 2018. № 4. С. 21–29. <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2018.4.28093>

References

1. Avdeev, V. A., Avdeeva, E. V., Rozenko, S. V., Fedulov, I. N., Kuleshov, I. V., & Byzova, I. G. (2020). Topical issues of regulation of the legal framework for ensuring human rights and freedoms at the international level. *Periódico do Núcleo de Estudos e Pesquisas sobre Gênero e Direito Centro de Ciências Jurídicas — Universidade Federal da Paraíba*, 9, (04), 256–267.
2. Avdeev, V. A., Rozenko, S. V., Fedulov, I. N., Ospichev, I. M., Frolova, E. V., & Stepanova, E. E. (2020). The mechanism of international legal support of effective management of indigenous peoples in the Northern territories. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, [S. l.], 11, (4), 1095–1101. [https://doi.org/10.14505/jarle.v11.4\(50\).03](https://doi.org/10.14505/jarle.v11.4(50).03)
3. Kvach, I. V., Elmendeeva, L. V., Kvach, S. S., & Fedulov, I. N. (2019). Features of advocacy in protecting the rights and freedoms of indigenous peoples of the North. *Issues of Russian and International Law*, 9, (9-1), 335–343. (In Russian). <https://doi.org/1034670/AR.2019.89.9.014>
4. Yudin, V. I. (2012). Regulatory framework in relation to indigenous peoples of the North: domestic and foreign experience. *Vlast*, (4), 69–72. (In Russian).
5. Sztompka, P. (2001). Social change as trauma. *Sociological studies*, (1), 6–16. (In Russian).
6. Sanzheeva, L. V. (2023). Modern problems of preserving the traditions of indigenous peoples of the Arctic. *Society. Environment. Development*, (1), 33–37. (In Russian). https://doi.org/10.53115/19975996_2023_01_033-037
7. Pospelova, A. I. (2004). Modern dialogue of civilizations. “Days of Beringia”. *Proceedings of the International. scientific and practical. conf., (September 18–21, 2003, Anadyr)* (p. 42). Sovetskiy sport. (In Russian).
8. Sokolova, Z. P., & Stepanov, V. V. (2007). Indigenous peoples of the North. Population dynamics based on census data. *Ethnographic Review*, (5), 71–92. (In Russian).
9. Zhozhikov, A. V. (2017). Education, cultural originality and national identity of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in the context of nomadic lifestyle and globalization. *Ethnodialogues*, (3 (54)), 58–65. (In Russian).
10. Alexander, J. (2012). Cultural trauma and cultural identity. *Sociological journal*, (3), 6–40. (In Russian).
11. Tkachev, B., Fedulov, I., Moldanova, T., & Tkacheva, T. (2018). Everyday ethnocultural adaptation of newly arrived and indigenous populations in Yugra. *SHS Web of Conferences*, (50), 01184.
12. Emelyanova, T. P. (2008). Cultural trauma: Social and psychological aspects. In Zhuravlev, A. L., & Artemyeva, T. I. (Ed.). *Proceedings of the final scientific conf. IP RAS, (February 14–15, 2008)* (pp. 75–85). IP RAS. (In Russian).
13. Pimenova, N. N. (2016). Mechanisms of socio-cultural changes of indigenous peoples of Siberia and the North: the concept of cultural trauma of P. Sztompka. *Sociodynamics*, (3), 37–45. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2409-7144.2016.3.18210>
14. Guseltseva, M. S. (2017). Cultural and psychological trauma as a risk factor in the development of civic identity. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Psychology. Pedagogy. Education”*, (4 (10)), 8–23. (In Russian).

15. Onina, S. V. (2010). On the problem of preserving the language of the Khanty people. *Bulletin of ChSPU. Series "Philology and art history"*, (5), 315–327. (In Russian).
16. Danilova, S. V. & Abdulvaliev, A. F. (2018). Instruments of socio-economic support for indigenous peoples of the North. *Theoretical and Applied Economics*, (4), 21–29. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2018.4.28093>

Информация об авторе / Information about the author:

Игорь Николаевич Федулов — доктор философских наук, профессор департамента философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Igor N. Fedolov — Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy and Social Sciences of the Moscow City University, Moscow, Russia.

fedulovin@mgpu.ru; infedoulov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1339-8594>